

УДК 811.111'373.611

КОНТАМИНАЦИЯ: ПРИРОДА ФЕНОМЕНА И ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ

Н.О. Золотова, М.А. Карцова

Тверской государственной университет, Тверь

Особенности контаминации как принципа взаимодействия единиц языка, реализующегося на его разных уровнях, рассматриваются с точки зрения отечественной и зарубежной лингвистических традиций. Предлагается разграничение широкого и узкого понимания контаминации. Обсуждаются возможности когнитивного моделирования процесса интеграции единиц в контаминированное образование и специфика генетически связанного с ним процесса агглютинации.

Ключевые слова: контаминация, контаминант, концептуальная интеграция, блендинг, ментальный лексикон, ментальные пространства, агглютинация.

Возрастание интереса отечественных и зарубежных учёных к изучению феномена контаминации во второй половине прошлого и начале нынешнего веков связано с фактом активного использования контаминированных единиц в разговорной речи, в языке газет, художественных произведений, Интернете, рекламе и многих других сферах жизнедеятельности современного человека. Наблюдаемая тенденция к интеграции слов и словосочетаний, очевидно, связана со стремлением к экономии языковых усилий носителей языка, с практически безграничным лингвокреативным потенциалом словообразования и усилением процесса заимствования из англоязычной культуры как следствия технологической революции и глобализации.

Влияние английского языка часто рассматривается как причина появления в современном русском языке контаминированных лексических образований [10: 371]. В английском языке этот тип соединения слов приобрел невероятную актуальность, распространив своё влияние и на русский язык, в результате чего в русский были заимствованы такие контаминанты, как, например, *мотель* (англ. *motel* < *motor* + *hotel*), *джеггинсы* (англ. *jeggings* < *jeans* + *leggings*), *бранч* (англ. *brunch* < *breakfast* + *lunch*), *модем* (англ. *modem* < *modulator* + *demodulator*), *Брексит* (англ. *Brexit* < *British* + *exit*) и др.

Однако кроме контаминаций на почве недавних заимствований в современном русском языке процессы контаминирования наблюдаются не только при словообразовании, но и при фразообразовании (например, «*хождение по внукам*» [4]); контаминирование морфологических форм (например, *самый наилучший*) и синтаксических конструкций (*одеть юбку*) фиксируется как грамматическая ошибка, достаточно распространённая в разговорной речи. Всё это свидетельствует о том, что контаминация может рассматриваться как принцип взаимодействия единиц языка, реализующийся на разных его уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и фразеологическом.

Представляется целесообразным рассматривать термин «контаминация» в широком и узком значениях.

В широком значении этот термин используется по отношению к обширному кругу явлений, в число которых входят смешанные способы словообразования (*умиротворить, шестиклассник*) [18: 269], разные виды словотворчества [19: 273], например, *«стрекозёл», «правдун», «сердитки»* (морщинки на лбу) [20], словообразование по аналогии (*правда – кривда*) [там же] и любое «соединение в одно двух ходовых выражений или пословиц» [11: 65], например, *«Не плюй в колодец, вылетит – не поймаешь»* (В. Маяковский) (соединение пословиц *«Не плюй в колодец, пригодится воды напиться»* и *«Слово не воробей, вылетит – не поймаешь»*) [там же]. В грамматике продуктом контаминации считается нарушение границ словосочетаний и стандартного порядка слов в результате взаимодействия разных синтаксических моделей [16].

Узкое понимание значения термина «контаминация» представлено в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, где контаминация определяется как «взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или к образованию новой (третьей) языковой единицы» [2: 206]. При узком понимании контаминации это явление связывается всего с двумя типами взаимодействия языковых единиц: наложением и скрещиванием (агглютинацией) [7: 86–88; 6: 80–81], которые можно наблюдать на разных уровнях языка. При контаминации, осуществлённой путём скрещивания, происходит взаимная смена компонентов языковых единиц (*мопед < мотоцикл + велосипед*), а при наложении происходит соединение элементов исходных единиц, имеющих формально совпадающий компонент (*изврат < извращение + разврат*) [там же]. Особенностью наложения как способа взаимодействия компонентов лексических единиц является его способность возникать одновременно в нескольких местах контаминанта. В таких случаях наложение может быть названо многоместным.

Следует отметить, что в рамках узкого подхода к пониманию термина «контаминация» в современной лингвистике также употребляются другие названия для обозначения данного феномена, а именно: вставочное словообразование, стяжение, словосращение, слияние, телескопия, блендинг, fusion, amalgam и др. В западной лингвистической традиции отдаётся предпочтение термину «блендинг», которым обозначают как «факты креативного мышления с установкой на самореализацию личности» [14], так и результаты непреднамеренного смешения языковых единиц носителем языка, т.е. оговорки, ошибки. Последнее значение зафиксировано в словаре АБВУД Lingvo 12 и толкуется как «the process by which one word or phrase is altered because of mistaken associations with another word or phrase; for example, the substitution of 'irregardless' for 'regardless' by association with such words as 'irrespective'» [21].

В российской традиции [2; 10] термин «контаминация» употребляется часто по отношению к окказиональным словообразованиям, которые обычно имеют функционально-стилевую окраску (*«Инфлюенца – симуленца, притворенца, лодырит»*) [15]. В отечественной традиции встречается и более строгое понимание контаминации, согласно которому «контаминант должен состоять исключительно из словообразовательных осколков» [13]. При этом под словообразовательным «осколком» понимается произвольно выделенная часть слова, не являющаяся самостоятельным формантом и совпадающая либо со сло-

гом, либо со структурными элементами слога. В соответствии с этой позицией такие синтаксические (*nothing else than a miracle < nothing but a miracle + nothing short of a miracle*) и семантические (*stable* – совмещение значения слов «конюшня» и «постоянный») образования не могут рассматриваться в качестве контаминированных [там же].

Словосращение как проявление контаминации на уровне слова изучается в работе [12], где обсуждаются пять базовых критериев, способствующих отграничению слов-сращений от смежных понятий. К числу выделенных критериев автор относит: 1) графическую цельнооформленность; 2) идеоматичность (фразеологичность) значения; 3) непреднамеренный характер соединения элементов сращения; 4) образование слов-сращений на основе словосочетаний; 5) сохранение в неизменном виде синтаксических связей внутри слов-сращений.

Многообразие проявлений контаминации как словообразовательной потенции языка способствует расплывчатости определения этого понятия. Изучение контаминации как явления обусловлено спецификой тех подходов, в русле которых оно изучается. Очевидно, контаминированное образование как продукт речемыслительной деятельности носителя языка не идентичен тому, что образуется в ходе метаязыковой деятельности лингвиста, пытающегося строго дифференцировать случаи контаминации на логико-рациональных основаниях. В первом случае речь идёт о языковой способности человека, во втором – о языковой системе (о специфике лингвистического и психолингвистического подхода к анализу языковых явлений см.: [8; 9]).

Когнитивная природа контаминированных слов описана в научной литературе с помощью модели концептуальной интеграции [24]. В целом создание контаминанта представляет собой процесс оперирования различными концептами, из которых избираются элементы, представленные в контаминанте, в то время как другие элементы маргинализируются. С этой точки зрения, образование контаминированных лексических единиц есть результат сложного когнитивного процесса интеграции концептов (*conceptual blending*), проявляющегося на языковом уровне. По концепции авторов, в процессе речемыслительной деятельности формируются так называемые «ментальные пространства» (*mental spaces*) – концептуальные объединения, которые являются отражением нашего восприятия действительности. В процессе когнитивной операции ментальные пространства комбинируются и формируют промежуточное (родовое) пространство (*generic space*), которое затем координируется, структурируется и приводит к образованию нового смешанного пространства (*blend*) [цит. раб.: 1–2].

Описанный процесс интеграции концептов представляется генетически связанным с таким явлением внутренней речи, как «слипание значений слов через агглютинации», о чём говорил Л.С. Выготский [3: 390]. Наблюдения над эгоцентрической речью ребёнка позволили учёному проследить своеобразный способ объединения слов в детских высказываниях, названный им «*вливанием*» смысла, который, по мнению Выготского, понимается одновременно в его первоначальном буквальном значении «*вливание*» и его переносном, ставшим общепринятым, значении. Смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы вли-

ают друг на друга, так что предшествующие как бы содержатся в последующем или его модифицируют [там же].

Об «уникальности слипания» под влиянием работ Выготского пишет и А.Г. Асмолов [1]. Автор приводит примеры слипания, которые актуализованы в поэтических произведениях для детей К.И. Чуковского «*Мойдодыр*» и «*Айболит*», а также указывает на одного из героев Б.В. Заходера, который назывался «*Щасвернус*». А.Г. Асмолов обращает внимание на тот факт, что часто повторяемое Мойдодыр (мой-до-дыр) и Айболит (ай-болит) скрывает от нас тот факт, «как за этими словами проступает совершенно иное измерение реальности» [1: 424]. Комментируя примеры с *Дон Кихотом* и поэмой «*Мертвые души*» Гоголя, которые использует Выготский для демонстрации «закона влияния смысла», А.Г. Асмолов формулирует суть агглютинации как процесса «упаковывания» значений и вырастания иных миров [там же].

Сам же Л.С. Выготский на примере «Мертвых душ» демонстрирует механизм свёртывания смыслов следующим образом: «... подобно тому как весь многообразный смысл этой поэмы может быть заключён в тесные рамки *двух слов*, так точно огромное смысловое содержание может быть во внутренней речи влито в *сосуд единого слова*» [3: 400. Выделено нами. – Н.З., М.К.].

Каждое производное слово оказывается некоей моделью представления знаний о мире в сознании человека. Словообразовательный акт представляется как своеобразный акт словотворчества, позволяющий проникнуть в глубины человеческого сознания, в процессы освоения и постижения окружающего мира. В этой связи особую актуальность приобретают исследования, связанные с тем, как слово (в нашем случае контаминант) «живёт» в сознании носителя языка и культуры, как хранится и извлекается из ментального лексикона.

Процесс интеграции не является случайным или стихийным, он регулируется определёнными особенностями участвующих в соединении компонентов. Опираясь на исследования М. Тафт [25], можно сказать, что контаминированным образованиям соответствуют сложные репрезентации, т.е. в лексиконе находят отражение как отдельные морфемы (например, *Людмила* < *Людмила/милая*), так и смысловые и структурные связи между ними. В соответствии с данными особенностями происходит и идентификация таких единиц: в процессе восприятия осуществляется доступ к морфемам, составляющим слово, и репрезентация слова формируется из репрезентаций отдельных морфем. Этот процесс связан, как отмечает И.Р. Гальперин, «с реализацией заложенной в языке способности словообразовательной морфемы означать больше, чем ей положено по рангу» [5: 193]. С другой стороны, исследования Н.Р. Ваауен [22] показали, что контаминанты могут храниться в лексиконе независимо от базовых форм, от которых они были образованы. Доступ к ним может осуществляться непосредственно, без предварительного доступа к морфемам, входящим в их состав.

Таким образом, опознание контаминанта может осуществляться двумя способами: либо непосредственно, либо через идентификацию отдельных составляющих. То, какой именно способ будет применён в каждом конкретном случае, зависит от соотношения ряда психолингвистических факторов, ведущими из которых, очевидно, являются степень знакомости единицы и её субъективная частотность. Экспериментальные исследования на материале поли-

морфемных слов показали, что при восприятии малознакомых или незнакомых слов увеличивается опора на элементы слова и уменьшается его восприятие как целостного образования [17].

Выявление особенностей идентификации контаминантов требует обращения к индивидуальному сознанию рядового носителя языка и культуры с помощью экспериментальных методик. Процессы опознания и извлечения таких образований из ментального лексикона предположительно будут представлять собой процесс, обратный агглютинации, т.е. обнаруживать «разрыв связи», «распаковывание» значений, «возвращения» в социальный мир новых единиц – «иных миров» в терминах Выготского и Асмолова.

Список литературы

1. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: «Смысл», 2002. 480 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: УРСС : Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.: Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 362 с.
4. Москвитин Е. [Электронный ресурс]. Электрон. газ. 2013. 18 января / URL: https://www.gazeta.ru/culture/2013/01/18/a_4931245.shtml (дата обращения: 01.10.2017).
5. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1997. 335 с.
6. Ефанова Л.Г. Фразеологические трансформации в аспекте системных особенностей лексики и фразеологии // Сибирский филологический журнал. 2006. № 3. С. 77–86.
7. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 45–109.
8. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. 206 с.
9. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. 2-е изд. испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.
10. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык: учебник. М., 1999. С. 284–441.
11. Квятковский А.П. Одиннадцатисложник // Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М.: Сов. энцикл., 1966. 376 с.
12. Корытова О.М. Когнитивное пространство словосращения: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. 100 с.
13. Лаврова Н.А. Контаминация и контаминанты в современном английском языке: номенклатура, структура, динамика [Электронный ресурс] / URL: http://www.usnauka.com/26_WP_2012/Philologia/3_116103.doc.htm (дата обращения: 29.09.2017).
14. Лаврова Н.А. Структура, значение и смысл контаминированного слова в современном английском языке. М.: Прометей, 2009. 183 с.
15. Маршак С. Избранное. Стихи, сказки, переводы. М.: Изд-во «Художественная литература», 1952. 776 с.
16. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562 с.

17. Новикова И.В. Психолингвистическое исследование идентификации полиморфного слова при учебном двуязычии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.В. Новикова; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2011. 20 с.
18. Пекарская И.В. Контаминация // Культура русской речи: энцикл. слов.-справ. М., 2007. С. 269–272.
19. Сковородников А.П. Контаминация словообразовательная // Культура русской речи: энцикл. слов.-справ. М., 2007. С. 272–274.
20. Чуковский К. От двух до пяти. Живой как жизнь. М.: Изд-во «Детская литература», 1968. 576 с.
21. Abbyu Lingvo 12 [Электронный ресурс]. Выпуск 12.0.0.413 АБВУУ ® Lingvo® 12©, 2006. URL: <https://www.abbyu.com/dictionary/english/contamination> (дата обращения: 25.09.2017).
22. Baayen H.R. Dutch inflection: The rules that prove the exception / H.R. Baayen, R. Schreuder, N. De Jong, A. Krott // Storage and Computation in the Language Faculty. 2002. № 3. Pp. 61–92.
23. Esper E.A. Analogy and association in linguistics and psychology. Athens: University of Georgia press, 1973. 356 p.
24. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think : Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York : Basic Books, 2001. 440 p.
25. Taft M. Morphological decomposition and the reverse base frequency effect // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2004. № 57 (A). Pp. 745–746.

CONTAMINATION: THE NATURE OF THE PHENOMENON AND APPROACHES TO ITS STUDY

N. O. Zolotova, M. A. Kartsova
Tver State University, Tver

The contamination phenomenon is explored from the point of view of Russian and foreign linguistic traditions as the principle for interaction of language units realized at different levels. A broad and narrow definitions of contamination are considered. Special attention is paid to the cognitive modelling of the process of integration of language units into a contaminated word, and to the specific nature of agglutination process.

Key words: *contamination, contaminant, conceptual integration, blending, mental lexicon, mental spaces, agglutination.*

Об авторах:

ЗОЛОТОВА Наталия Октябровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: saporvskaya@mail.ru

КАРЦОВА Маргарита Алексеевна – аспирант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: rita.kartsova@mail.ru.